

УДК 821.161.1.94

DOI 10.25688/2076-913X.2019.33.1.03

Е.А. Коршунова

Поэтика «крымского текста» в творчестве С.Н. Дурылина

В статье исследуется поэтика «крымского текста» в мемуарной книге «В своем углу» (1924–1939) С.Н. Дурылина, который вслед за М.А. Волошиным и К.Ф. Богаевским, изображает трагический облик Крыма. Мотивы эроса и танатоса в их постсимволистском преломлении, иконичные лики крымской земли образуют единство дурылинского текста. В статье впервые публикуется письмо С.Н. Дурылина к И.А. Комиссаровой от 06.06.1926 г., написанное в Коктебеле.

Ключевые слова: «крымский текст»; эрос; танатос; постсимволизм; иконичность.

Творчество С.Н. Дурылина, писателя «внутренней эмиграции», может быть рассмотрено в проблемном и эстетическом поле Серебряного века. Воспитанный культурной средой рубежа веков, он продолжил традиции классики XIX в. и в то же время воспринял эстетику модернизма. Для Дурылина особое место в жизни и творчестве занимал Крым. Свой инвариант «крымского текста» Дурылин представил в главной книге «В своем углу» (1924–1939). Крымская тема освещена и в дурылинской «Коктебелиане», и в стенограммах лекций, посвященных рассмотрению живописи М.А. Волошина.

Дурылин посещал Крым, Коктебель и Дом Волошина в 1926 и 1927 гг. вместе с Гениевыми, Еленой Васильевной и сыном Юрием. Во время путешествия Дурылин вел дневник «В своем углу» (1924–1939), в котором отобразил личное восприятие Крыма (VI тетрадь и некоторые фрагменты — в последующих). Однако на сегодняшний день поэтика «крымского текста» в творчестве Дурылина совершенно не изучена.

Обращаясь к истории исследования «крымского текста», можно выделить работы А. Люсого, впервые обосновавшего как само понятие, так и сколько-нибудь целостное его описание [6]. Подобные подходы к изучению текста осуществили и лингвисты [7]. Основоположником «крымского текста» Люсый считает поэта С. Боброва: «С. Бобров не только Колумб Крыма в российской поэзии, но также Колумб Ночи и Колумб Смерти как единых составляющих его метафизики» [6: с. 48]. Конечно же, это связано с мифологией крымской земли и с древними представлениями киммерийцев о том, что именно в Крыму находился вход в Аид. Уже в творчестве первопоэта Крыма исследователь справедливо отмечает мотивы смерти, печали и связанные с ними образы ночи, мрака. Крым как страна южного солнца, любви, радости и удачи впервые

воссоздана в русской литературе Батюшковым в его «Тавриде», А.С. Пушкиным и др. По мнению Люсого, на рубеже XIX и XX вв. возникает перелом в осмыслении образа южной земли. Волошин, посвятивший Крыму не только поэтический цикл «Киммерийские сумерки», но и другие произведения, смог представить и услышать исторические голоса трагической земли: «Традиционная Таврида оборачивается у Волошина “музеем дурного вкуса, претендующим на соперничество с международными европейскими вертепами на Ривьере”» [6: с. 143]. Складывается культурная ситуация, в которой таврический и киммерийский мифы противопоставлены [6]. Дурылин обращается к воссозданию Киммерии в мемуарах именно в этот период — в эпоху постсимволизма.

В шестой тетради «углов», по собственному выражению Дурылина, о Крыме он почти ничего не написал: «Тетрадь к концу, лето к концу, Крым мой к концу — а о юге, о солнце, о море я ничего не написал. Не писалось» [1: с. 327]. Что же сочинял Дурылин в Коктебеле? Если касаться литературного творчества, то, кроме крымской тетради, он написал цикл стихов «Старая Москва». Можно сказать, что «московский текст», во многом оппозиционный «крымскому тексту», является его внешним источником. Уютное, природное, семейное пространство Москвы противопоставлено пустыне Коктебеля. В Крыму Дурылин пишет о Москве, а позже в Москве будет ностальгически вспоминать о Крыме, раскрывая для читателя собственное видение крымской земли. Еще одним внешним источником является «петербургский текст» с его мифом о таинственном исчезновении города. В одном из писем М. Волошин, почти буквально воспроизводя петербургскую ситуацию, пишет Дурылину после землетрясения 1927 г.: «Японский профессор предсказал, что весь Крым уйдет в море до 15 декабря. Поэтому в деревне в ночь на 15-е ждали конца мира, а в Старом Крыму его ждут сегодня ночью и т. д.» [2: л. 2].

Интересно также то, что в Крыму, в Алуште, Шмелев создает московский рассказ «Голуби» и «Неупиваемую Чашу», а в Грассе — «Солнце мертвых». Это свидетельствует, возможно, о том, что и Шмелев, и Дурылин пытались передать внутренний облик крымской земли, который можно узреть только на расстоянии в отличие от очерково-внешнего, описательного, создающегося не вне, а внутри описываемого пространства.

Анализируя написанное в VI тетради, отметим, что маленькие главки в основном посвящены любви и смерти, эросу и танатосу. Их взаимосвязь обусловлена влиянием на Дурылина эстетических установок символистов, ведь «важной чертой символистской картины мира стало восприятие любви и смерти в тесном единстве, что было во многом обусловлено эсхатологическим характером эпохи рубежа веков и апокалипсическими чаяниями символистов, возложивших надежды на грядущее преображение мира во вселенской мистерии» [4]. Можно говорить, что в творчестве Дурылина происходит трансформация мотивов эроса и танатоса в рамках эстетики постсимволизма (что может стать темой отдельного исследования).

Утверждение А.И. Резниченко о том, что «сквозной темой для тетради VI <...> является тема, которую можно условно обозначить как “смерть тела”», считаем спорным. На поверхности, в сюжетном центре главок тетради, действительно, ведущей выступает тема смерти. Дурылин пишет о судьбе В. Брюсова, который, простудившись в Крыму, погиб в 1924 г. Описана также смерть В.В. Розанова, В.М. Васнецова. Все настойчивее от главки к главке проходит образ воображаемой могилы самого автора: «А над могилой о чем спорить? Могилу надо терпеть. Она нас всех терпит» [1: с. 283]. Дурылинское «бытие-к-смерти» (термин М. Хайдеггера), почти постоянное «предстояние» смерти было способом самопознания: «К концу жизни я буду совсем одинок. Одних похороню, другие меня похоронят заживо. И станет пусто и просторно вокруг меня. И тогда, быть может, я пойму, кто же я такой?» [1: с. 312].

Одиночество, напряженный поиск себя в «бытии-к-смерти» возвращает писателя к событию с другими через прощение. Особое значение в этом ряду играет эпизод описания смерти молодого юноши Капниста, «бывшего графа», погибшего в море. Горе, которое переживает автор, контрастно окружающему, мертвое тело — человеческому веселью, смеху, не прерывающемуся отдыху. Дурылина поражает внутренняя опустошенность современного человека, граничащая с дикостью: «...у одного Макса (Волошина) было лицо человека. Солнце сияло. Синело море. В десяти-двадцати сажнях от трупа поворачивались на солнце, лежа на песке, толстые голые дамы, как боровы, еще подальше — плескались в море, нежились, подставляли под солнце голые спины, животы, отвислые груди, жирные бока. Хотелось выхватить револьвер и выстрелить в это отвратительное копошащееся живое мясо» [1: с. 294]. И дело не только в статуарности, связанной с платоническим праимифом (как указывает Резниченко), и не только в том, что «мир хаоса — в самых разных своих проявлениях — побеждает мир форм» [11: с. 146], а в том, что Дурылин, вслушиваясь в исторические голоса крымского полуострова, слышит обертоны «распинающейся земли». Возмущаясь дикостью происходящего, обращая скрытые упреки к Богу, Дурылин смог преодолеть кризис посредством понимания смысла революционной катастрофы как кризиса культуры.

Трагический образ Киммерии был открыт Дурылиным под впечатлением волошинского творчества: «Киммерия стала местом личного, интимного искупления поэта, что и позволило перестрадать самой этой землей, стать ее голосом» [6: с. 142]. Трагический облик земли у поэта возник, как уже отмечалось исследователями, под впечатлением переживания разрыва с М. Сабашниковой. Как писал в своем дневнике М. Волошин, «пустыня создает поэтов, море — нет. Море, с его туманами, создает риторику — В. Гюго. Пустыня — это мысль во всей ее полноте» [6: с. 143]. Образами пустынной земли и связанными с ними концептами сумрака, камня, крепости создается волошинский миф о Крыме-Киммерии, где солнце, трава, море как символы края «очей очарованья», праздничной Тавриды противопоставлены образам

луны, ветра, звезд и степи. Этот ряд воспроизводится и в крымской тетради. Его основу составляет солнечный и лунарный комплекс.

Частотными для крымской тетради стали различные ипостаси луны: серебряная луна («серебряная луна переливается и дрожит»), луна, отражающаяся в море («лунная дорога на море»), золотая луна («ломтик золотого лимона, смоченного в коньяке»). Солнце упоминается гораздо реже и почти всегда как образ, репрезентирующий праздничный, таврический миф. «Солнце сияло, синело море»: не случайно смерть юноши Капниста «освещает» палящее солнце, равнодушное к совершающейся трагедии. Солнце и луна служили миромоделирующими образами как для символизма, так и для акмеизма [8, 12]. У Дурылина они лишены символистского ореола и опредмечены, но живут памятью символистских контекстов, их породивших, поэтому имеют, на наш взгляд, постсимволистскую природу. Киммерия Волошина — это «опаленная и неуютная земля, изъеденная щелочью всех культур и рас, прошедших по ней» [6: с. 143]. Для понимания сущности созданного Дурылиным образа крымской земли имеет значение написанное им в Коктебеле стихотворение, буквально пронизанное волошинскими мотивами:

Брожу по взгорьям в дни глухонемые
 И окликаю никлую полынь —
 И все ищу в узорчьи пустынь
 Обрывки риз увядших Византии.
 Прислушиваюсь к волнам Киммерии
 И к подголоскам голубых твердынь.
 И мнится: ветры из сапфирных скрынь
 Износят звоны плавкие Софии,
 Несут, несут... И рушат в глубину,
 Хоронят в зыбь с всемирною изменой —
 И слушаю один пустынную волну,
 И леденю под опавшей пеной,
 И горько пью пустую тишину,
 Как теплый труп с распоротую веной [11: с. 155].

Родные сердцу образы полыни, пустыни и твердыни-земли символизируют для автора мир творчества, пронизанный софийными смыслами. Как и у Волошина, у Дурылина «пещера, земля принимает в себя и отражает космос, как человеческое тело заключает в себя дух, а поэт — слово. <...> Слово в значении Логос — имеется в виду предвечный образ Бога, “прямой образ ипостаси его”, как пишет Вл. Соловьев в “Чтениях о Богочеловечестве”» [10: с. 21]. Опорой культуры является для Дурылина и София, и ризы Византии... Вторая часть стихотворения по принципу контраста изображает современное автору состояние культуры, в которой нет достойных голосов. Поэтому тишина оказывается «пустой», а ее слушатель — «трупом». Это стихотворение в тетради значится под главкой 95, записанной 28 августа, как и фрагмент 24, словно комментирующий вторую часть стихотворения: «Я представляю себе, как Пушкин

листают страницы современных журналов, как Лермонтов раскрывает на секунду стих Безыменского <...> и я чувствую, с какой торопливостью спешат они уйти в свои тихие места, где нет стихов, картин и звуков, и с какою едкою усталостью спешат они смежить свои веки, чтобы ничего не видеть и тешить себя мыслью, что не продолжили их — стихи Безыменского и звуки Мосолова» [1: с. 155]. Очевидно, что падение культуры, «своего угла» связано для Дурылина прежде всего с революцией, которая стала для него подлинной катастрофой.

Суммируя сказанное, отметим, что Дурылин создал иконичный вариант «крымского текста». Покинув Крым и напряженно о нем размышляя в следующих тетрадах, он так охарактеризует творчество К.Ф. Богаевского: «Из пустыни извлек он красоту ее бытия, а не бывания. <...> Б(огаевский) — это природа, узнанная глубже, чем узнают ловящие лишь “оболочки зримые” <...> Пейзаж Богаевского <...> иконен в этом смысле: тут <...> “Сама”» (София, Мировая душа. — *Е. К.*). Именно символистскими коннотациями проникнут «крымский текст» Дурылина. Иконичен, конечно же, в определенной степени и волошинский пейзаж. Как верно отметила Л.А. Колобаева, «воображением поэта движением своих видений превращает вулкан, “вихри древних сил”, в “храм”» [5: с. 234].

Второй лейтмотивной темой тетради, как мы уже отмечали, была тема любви. Однако, на первый взгляд, рассуждения Дурылина о любви в этой главе не складываются в единый текст. Во фрагментах 4 и 32, словно по контрасту вставленных в основной текст тетради VI, Дурылин пишет о любви как о сбывшемся счастье: «Прижаться друг к другу, закрыть глаза, сжать руку рукой и ждать: когда нельзя будет раскрыть глаз, а руки — отнять, — вот лучшее, что можно сделать на земле... если... если есть к кому прижаться» [1: с. 280]. Данный отрывок не вполне понятен без прояснения его малоизвестного контекста: именно в Коктебеле Дурылин пишет самые проникновенные письма-признания Ирине Алексеевне Комиссаровой [3]. Письма пишутся автором часто, почти ежедневно... Именно это и составляет скрытый, любовный или «таврически-романтический» сюжет тетради. Еще неопубликованная переписка 1926 г. позволяет выяснить характер взаимоотношений Ирины Алексеевны и Сергея Николаевича. Далее мы впервые приводим одно из этих писем. Еще более интересным является тот факт, что в Коктебель Дурылин едет с Е.В. Гениевой и ее сыном Юрием. Отношение Дурылина к Елене Васильевне выходило за дружеские рамки, что прочитывается в уже изданной их переписке. В рецензии на эту книгу М.В. Михайлова анализирует историю их взаимоотношений: «Его письма просто взрываются призывами: “Вчера же я болел еще тоской по Вам”; “А я ведь тоскую только по людям, — только по немногим людям, без которых тяжело мне жить” <...> Он понимал уникальность Гениевой и дал ей такое по-своему удивительное определение: “жалительный человек” и “зеркало, задышанное жизнью”» [9: URL]. Таким образом, в Крыму писатель не только вполне в символистском ключе видит Киммерию,

но и творит «миф о себе», воплощая в любовной раздвоенности символистское мироощущение. Ведь по отношению и к Ирине Алексеевне, и к Елене Васильевне он был искренен. «Чудо» любви помогает Дурьлину преодолеть страх одиночества и координаты «своего угла», ведь финалом крымского цикла является рассуждение о «твоей руке», руке друга, поддерживающей путника на дороге жизни: «Только о тебе и тобою я шел. <...> “А! пускай пески, и река упрется в тупик мертвых песков, — не отнимай только ты твоей руки...”» [1: с. 328].

Коктебель 11 июня 1926 г.¹

Дорогая Ариша! Вчера я получил твою открытку — обрадовался ей необыкновенно. Начинаешь ты с «С.Н.» — а дальше пишешь, (как принято (Дорогой Павел) как нужно. Я очень рад, что ты хорошо доехала и «ничего не делала». Но думаю, вряд ли ты отдохнула. Сужу по себе. Первые ночи я здесь спал плохо. Теперь же ложась в 9 ч. веч. Просыпаюсь только в 7 ½ ч. — (и пишу тебе сейчас около 8 ч. утра. Утро тихое. Поют птицы. Ласково шумит море. Погода мягкая, приятная. От моря здесь и в самые жары — нет того зноя и измора, которые так мучат в Москве.

Ходят здесь в самых различных костюмах, но все на босу ногу, без чулок; обувь здесь — от песку прибрежного — быстро изнашивается. Мужчины ходят в трусиках. Много женщин — в шароварах. Я хожу в сандалиях на босу ногу, в бумажных брюках прямо на голое тело. Мне подарили тюбетейку из малинового шелку и я ношу ее на голове. Шляпу уносит ветер. Она — не по морю.

Все хорошо — хорошо гулять по берегу моря, под скалами и отвесным берегом, хорошо лежать на теплом песке, хорошо вечером, выйдя на берег, слушать, как особенно мудро и сладко шумит море... Но я один на каждом месте я думаю: как хорошо бы здесь быть вместе с Аришей! Лежать на песке — рядом с нею, бродить рука об руку, а когда буду купаться, тогда еще больше буду это думать... Даже в прошлом году мне было легче быть одному, без тебя, чем теперь. И как подумаю, что три месяца в самом исключительном случае — 2 ½! — я буду без тебя, то все делается не по мне. Я чувствую себя оторванной половиной, полчеловеком, который ищет вторую — и, поверь, главную свою половину, чтобы жить.

Жизнь моя стала очень простая: она вся — ты, и ты-то и называешься жизнью. Нет — тебя — нет жизни. Я мучительно завидую всем, кто здесь вдвоем. В Москве, за бездною суеты и дел, еще переношу это кое-как, но здесь, когда я многими часами, непрерывно, мне бы быть с тобою, я не могу этого переносить... Мне больно, больно.

Ты НИКОГДА не должна отпускать меня от себя. При прощанье я говорил тебе, чтобы ты помнила, что у тебя есть власть надо мной, — радостная, желанная для меня власть, — и ты ею должна пользоваться. Ты отдала мне все, всю жизнь, всю себя, — и не лишай меня этого никогда. Я живу только около тебя и с тобою — и в тебе. Никакой другой жизни у меня нет и не может быть. Помни

¹ Письмо С.Н. Дурьлина И.А. Комиссаровой публикуется впервые по МА МДМД КП 324/47 С.Н. Дурьлин. Письма И.А. Комиссаровой. Коктебель. Машинопись. Конволют. 1922–1926. 118 л. (орфография и пунктуация автора сохранены. — Е. К.) [3].

это — и, помня устраивай нашу жизнь. Пиши мне часто. Почта здесь, кажется, не совсем исправна, не то, что в Москве: здесь больше похоже на Челябину: письма, по неаккуратности почты, где-то, должно быть, по дороге застревают и приходят иногда по 3 письма сразу от одного и того же лица. Так было с женой Саши Ларионова (она здесь с девочкой). Вернее твоя, твоя открытка, посланная 5-го, пришла 9-го быстро. Так что, скажи тем, кто мне будет писать, что если я не всегда во время им отвечаю, это может произойти оттого, что запоздали их письма.

А, может быть все это временно, пока не наладилась дачная жизнь здесь.

Палец у меня еще болит. Вчера на перевязке было уже мало гноя, т. ч. сегодня докторица решила попробовать не развязывать, а перевязать завтра. Пишу 4 пальцами. <...>

Целую тебя крепко, крепко — всюду, куда целовал в каждое милое местечко, в каждый уголок, в каждый переулочек. А больше всего глазки и в губки. Моя милая ласточка, родной мой жаворончек, золотой. Получай в Академии 10 р. (за апрель) — получай в июне — и эти деньги трать на себя. У тебя денег нет. В июле получай 20 р. за майские доклады — получи их до дома отдыха и возьми туда с собой. Больше всего я боюсь, что ты без меня наголодаешься и будешь это скрывать от меня. Эта мысль останавливает у меня кусок в горле. В сентябре я получу 46 руб. и на них мы купим дров. Еще раз крепко накрепко всю тебя целую от ножек до волосиков, от пальчика на ручке до последнего волосика на головке. Будь здорова. Лечись. Если плохо себя чувствуешь, сходи к д-ру Никитину (Мертвый пер. д. 11. кв. 10). Твой и только твой.

Как поживает Васька? Как поживает Люлечка? Вот по ком я соскучился, к ней ведь никто не ходит в гости?

Парусиновая рубашка оказалась очень хороша. Я ее обновил в Вознесенье.

Адрес: Крым. Коктебель. Дача Комхоза, бывш. Харламова, № 7 Гениевой, мне.

Библиографический список

Источники

1. *Дурылин С.Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
2. Письма М.А. Волошина // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 480.
3. *Дурылин С.Н.* Письма И.А. Комиссаровой. Коктебель. Машинопись. Конволют // Мемориальный архив МДМД КП 324/471922–1926. 118 л.

Литература

4. *Гармаш Л.В.* Эрос и танатос в творчестве русских символистов: итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс]. URL: http://garmash.ucoz.ru/publ/ehros_i_tanatos_v_tvorchestve_russkikh_simvolistov_itogi_i_perspektivy_izuchenija/1-1-0-25 (дата обращения: 19.10.2018).
5. *Колобаева Л.А.* Русский символизм. М.: МГУ, 2000. 296 с.
6. *Люсый А.П.* Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. М., 2003. 267 с.
7. *Лягушкина Н.В.* К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 55–61.

8. Меркель Е.В. Поэтическая семантика акмеизма: миромоделирующие образы и мотивы: Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2015. 46 с.

9. Михайлова М.В. Облако любви [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/9/mm22.html> (дата обращения: 10.11.2018).

10. Пинаев С.М. Поэзия М. Волошина в литературно-философском контексте Серебряного века // Постмодернизм: взаимодействия в поле культуры (преемственность, диалог, интертекст): коллективная монография. М.: РУДН, 2014. С. 5–24.

11. Резниченко А.И. «Брожу по взгорьям в дни глухонемые...» // Новый мир. 2008. № 12. С. 144–163.

12. Ханзен-Лева А.А. Русский символизм. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

References

Istochniki

1. Dury'lin S.N. V svoem uglu. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 879 s.

2. Pis'ma M.A. Voloshina // RGALI. F. 2980. Op. 1. Ed. xr. 480.

3. Dury'lin S.N. Pis'ma I.A. Komissarovoj. Koktebel'. Mashinopis'. Konvolyut // Memorial'ny'j arxiv MDMD KP 324/471922-1926. 118 l.

Literatura

4. Garmash L.V. E'ros i tanatos v tvorchestve russkix simbolistov: itogi i perspektivy' izucheniya [E'lektronny'j resurs]. URL: http://garmash.ucoz.ru/publ/ehros_i_tanatos_v_tvorchestve_russkikh_simbolistov_itogi_i_perspektivy_izucheniya/1-1-0-25 (data obrashheniya: 19.10.2018).

5. Kolobaeva L.A. Russkij simbolizm. M.: MGU, 2000. 296 s.

6. Lyusy'j A.P. Kry'mskij tekst russkoj kul'tury' i problema mifologicheskogo konteksta: dis. ... kand. kul'turolog. nauk: 24.00.01. M., 2003. 267 s.

7. Lyagushkina N.V. K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 55–61.

8. Merkel' E.V. Poe'ticheskaya semantika akmeizma: miromodeliruyushhie obrazyy' i motivy': N. Gumilev, A. Axmatova, O. Mandel'shtam: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01. M., 2015. 46 s.

9. Mixajlova M.V. Oblako lyubvi [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/9/mm22.html> (data obrashheniya: 25.09.2018).

10. Pinaev S.M. Poe'ziya M. Voloshina v literaturno-filosofskom kontekste Serebryanogo veka // Postmodernizm: vzaimodejstviya v pole kul'tury' (preemstvennost', dialog, intertekst): kollektivnaya monografiya. M., 2014. S. 5–24.

11. Reznichenko A.I. «Brozhu po vzgor'yam v dni gluxonemy'e...» // Novy'j mir. 2008. № 12. S. 144–163.

12. Xanzen-Leve A.A. Russkij simbolizm. SPb.: Akademicheskij proekt, 2003. 816 s.

E.A. Korshunova

Poetics of «Crimean Text» in S.N. Durylin's Works

The article explores the poetics of the «crimean text» in S.N. Durylin's memoir book «In his Corner» (1924–1939). Following M.A. Voloshin and K.F. Bogayevsky Durylin the writer presents a tragic image of the Crimea. The integrity of Durylin's texts implies the motives of eros and thanatos in their post-symbolic refraction, the iconic faces of the Crimean land. The article contains firstly published letter of S.N. Durylin's to I.A. Komissarova from 06.06.1926, written in Koktebel.

Keywords: «crimean text»; eros; thanatos; postsymbolism; iconity.